

# К у р о ч к а .



Жилъ-былъ мужикъ съ бабой и были у нихъ два сына - подростка, такъ что работать они еще не могли. Пошелъ мужикъ на заработки и заработалъ всего на все двугривенный. Попадается ему навстрѣчу пьянчужка съ курицей въ рукахъ.

— Куши, братъ, курицу, — говоритъ ему пьянчужка.

— А что хочешь?

— Давай рубль-цѣлковый.

— Только двугривенный и за душой,— отвѣчаетъ мужикъ.— Да тебѣ вѣдь только и надо. На косушку достанетъ.

Подумалъ-подумалъ пьянчужка и отдалъ курицу: очень ужъ ему выпить хотѣлось. Мужикъ курицу взялъ подъ мышку и—домой. Баба съ дѣтьми голодная ждетъ его. А мужикъ, вмѣсто денегъ, курицу принесъ.

— Ну, не олухъ ли ты!—набросилась на него баба.—Мы голодные, безъ хлѣба, а ты принесъ намъ курицу!

— Ну, баба, не кричи! Курочка снесетъ яички и цыплятъ высидитъ!—отвѣчалъ мужикъ и пустилъ курочку подъ печь.

На слѣдующій день курочка закудаhtала—значитъ яичко снесла. Полѣзъ мужикъ подъ печь и вынулъ оттуда не яичко, а камень самоцвѣтный.

— Ну, баба,—говоритъ женѣ мужикъ,— у людей куры несутъ яйца, а у насъ камни.

Посмотрѣла баба на камень да и говоритъ мужу:

— Иди въ городъ да попробуй продать камень-то.

Баба была жадная, нехорошая.

Пошелъ мужикъ въ городъ на базаръ и показалъ свой камешекъ. Собрались купцы

съ разныхъ сторонъ, стали камешекъ разсматривать и дали мужику пятьсотъ рублей.

Сталь мужикъ послѣ этого каждый день носить въ городъ камни самоцвѣтные и такъ разбогатѣлъ, что записался въ купцы, завелъ лавки и сталь торговать за моремъ, а мальчиковъ отдалъ въ школу учиться. Для городской торговли онъ нанялъ старшаго приказчика. Уѣзжая однажды за море, купецъ и говоритъ своей женѣ:

— Смотри, баба, береги курочку лучше глаза. Если что съ ней приключится, голову съ тебя снесу.

Уѣхалъ купецъ, а къ купчихѣ подѣхалъ приказчикъ и сталь у нея спрашивать, откуда хозяйинъ беретъ такіе чудесные самоцвѣтные камни.

Долго отпѣкивалась купчиха, но наконецъ рассказала, что у нихъ есть такая чудесная курочка.

— Покажи да покажи!—приставалъ приказчикъ.

Нечего дѣлать, показала купчиха курочку. Сталь ее приказчикъ разсматривать и видить у нея подъ крыломъ надпись золотомъ:

«Кто голову съѣстъ, тотъ царемъ будетъ, а кто потроха съѣстъ, тотъ золотомъ будетъ харкать».

У приказчика и голова кругомъ пошла. Сталь онъ мелкимъ бѣсомъ передъ купчихой извиваться и просить ее зажарить для него курицу.

— Да вѣдь мужъ мнѣ голову снесетъ,— отговаривалась купчиха.

— И не узнаетъ.

Приказчикъ такъ присталь, что позвала купчиха повара и приказала ему курочку зажарить съ головой и потрохами.

Поваръ поставилъ курочку въ печь, а самъ куда-то вышелъ. Въ это время пришли изъ школы купеческіе сынки и отправились въ печь посмотрѣть, не найдутъ ли чего поѣсть. Увидавъ курицу, одинъ съѣлъ голову, а другой—потроха.

Пришло время обѣдать. Съли всѣ за столъ. Вотъ подаютъ курицу. Какъ увидалъ приказчикъ, что ни головы ни потроховъ нѣтъ, такъ вскочилъ и домой. Купчиха за нимъ, а онъ съ ней и говорить не хочетъ. Она и туда и сюда, а онъ только одно и твердить:

— Изведи дѣтей, вынь изъ нихъ голову и потроха и дай мнѣ ихъ съѣсть.

Вотъ призываетъ купчиха повара и говоритъ ему:

— Сведи моихъ сыновей въ лѣсъ, зарѣжь ихъ и вынь у нихъ изъ живота голову и потроха куриные.

Привель поваръ юношей въ лѣсъ и сталь точить ножъ.

— Зачѣмъ ты точишь ножъ? Что ты хочешь дѣлать?—спрашиваютъ они.

— Хозяйка приказала мнѣ васъ зарѣзать, достать голову и потроха и подать ихъ на ужинъ приказчику,—отвѣчалъ поваръ

— Не рѣжь насъ, мы тебѣ дадимъ золота сколько хочешь,—взмолились братья.

Поваръ подумаль-подумаль да и говоритъ:

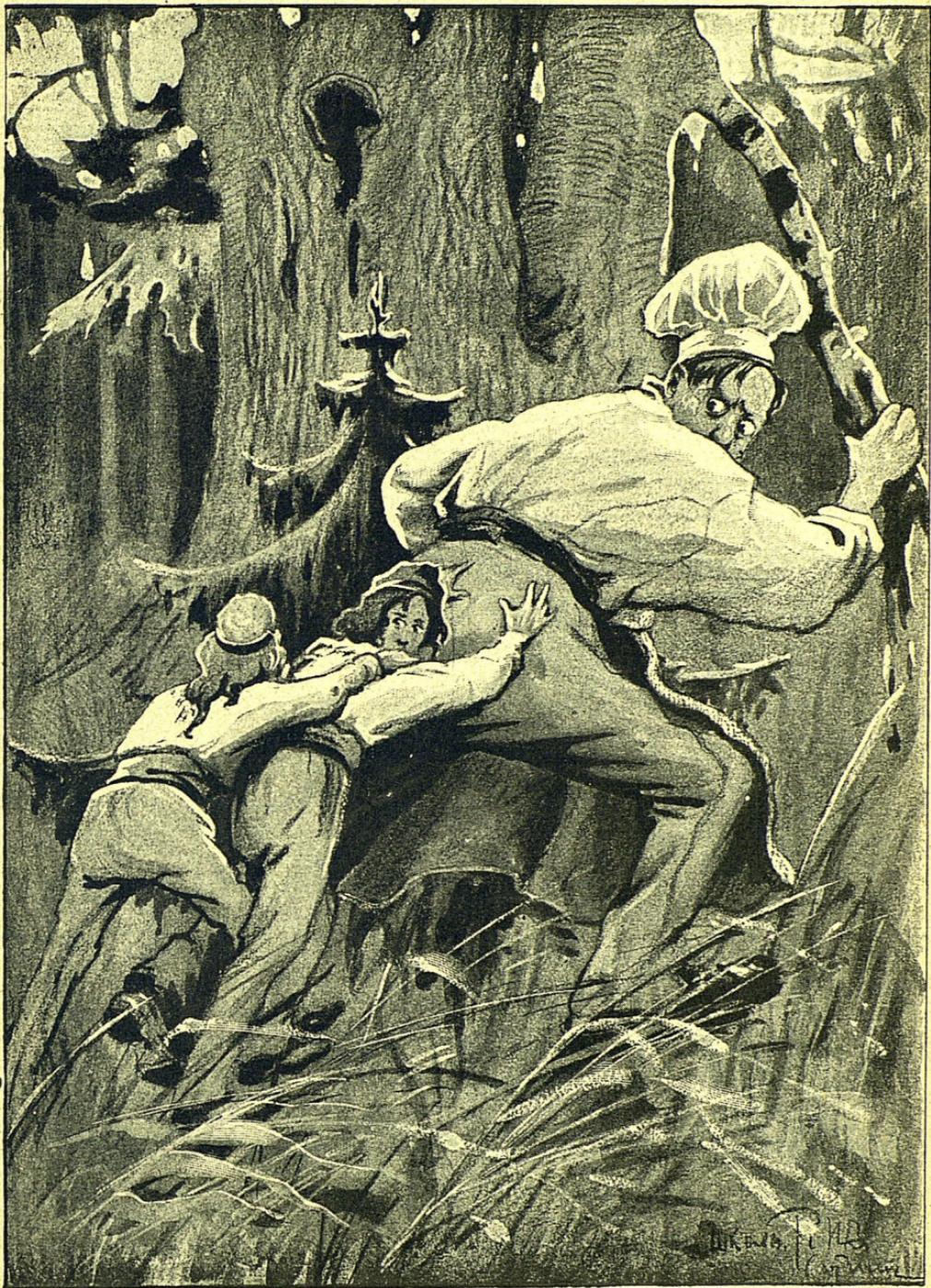
— Ну, давайте!

Вотъ и началъ второй братъ плевать ему въ полу и наплевалъ столько золота, что тотъ едва унесъ. Дома у него были щенки. Зарѣзавъ ихъ, онъ вынулъ печенку и мозги и зажарилъ къ ужину. Приказчикъ съѣлъ, но тѣмъ же негодяемъ и остался.

А братья вышли изъ лѣса на большую дорогу и пошли куда глаза глядятъ. Шли они, шли и увидали, что дорога распалась надвое и на углу стоитъ столбъ, и на томъ столбѣ написано:

«Кто пойдетъ направо, тотъ царемъ будетъ, а кто пойдетъ налево, тотъ много горя приметъ, но зато женится на прекрасной царевнѣ!»

Поговорили братья, погадали и рѣшили такъ, что старшій пойдетъ, чтобы царемъ



сдѣлаться, а младшій пойдетъ на горе-горькое, чтобы жениться на прекрасной царевнѣ.

Вотъ и пошелъ старшій направо. Шель-шель и пришелъ въ столичный городъ. Жителей въ городѣ многое множество, только всѣ ходятъ повѣся носъ и о чемъ-то плачутъ. Сталъ юноша проситься ночевать къ одной старухѣ, а та и говоритъ:

— Куда мнѣ тебя пустить, и безъ тебя тѣсно.

— Да что ты, бабушка, много ли такому простому человѣку, какъ я, нужно? Гдѣ-нибудь въ уголочкѣ переночую.

Старуха сжалилась и пустила его. Стали они разговаривать.

— Скажи ты мнѣ, бабушка, отчего это у васъ въ городѣ такъ тѣсно и такъ много народа и о чемъ всѣ такъ горюютъ?

— Царь у насъ померъ, родной мой,— отвѣчаетъ старуха,— ну зоть бояре-то по царству и кликнули кличъ Всѣхъ, и стараго и малаго, собираютъ въ столицу и всякому даютъ по свѣчѣ. Съ этою свѣчой всякъ идетъ въ соборъ и у кого сама свѣча загорится, тотъ царемъ и будетъ!

Утромъ юноша всталъ, какъ слѣдуетъ вымылся, помолился Богу, поблагодарилъ

старушку за теплую постель, за хлѣбъ, за соль и пошелъ въ соборъ. Народа тамъ тьма-тьмушая. У паперти всѣмъ свѣчи раздають. Только что взялъ онъ свѣчу въ руки, какъ она и загорѣлась. Всѣ на него бросились, чтобы затушить свѣчу, да не тутъ-то было: свѣча горитъ все ярче и ярче. Нечего дѣлать: провозгласили его царемъ, одѣли въ парчевую одежду и повели во дворець.

Меньшой же братъ между тѣмъ услышалъ, что въ такой-то далекой странѣ живетъ царевна неописанной красоты, только ужасно жадная до денегъ и завистливая. Царевна эта пустила по царству своему такую вѣсть, что пойдетъ она замужъ за такого богача, который прокормитъ войско ея цѣлыхъ три года. Ну, что же, нашему молодцу золота не занимать, онъ и пошелъ попытать счастья. Идетъ онъ путемъ-дорогой, да и плюетъ въ мѣшокъ, чтобы не прийти совсѣмъ нищимъ. Ну, вотъ пришелъ онъ во дворець съ полнымъ мѣшкомъ золота и говоритъ тамъ придворнымъ, что желалъ бы исполнить задачу царевны.

Доложили объ этомъ жадной царевнѣ, и съ той поры сталъ нашъ молодець содержать царевнино войско, одѣвать, поить, кор-

мить его. Мудрено ли ему было? Какъ увидить, что деньги на исходѣ, сейчасъ поплюеть, и наплюетъ цѣлый мѣшокъ золота. Прокормивъ три года, сталъ онъ требовать, чтобы царевна назначила свадьбу, а царевна держать на умѣ совсѣмъ другое. Она всякими правдами и неправдами разузнала, откуда женихъ доставалъ деньги, потомъ задала пиръ и угощала всѣхъ на славу. Только въ кушанье жениха она подсыпала рвотнаго и когда онъ выплюнулъ куриные потроха, она схватила ихъ и проглотила. Съ той минуты она стала плевать золотомъ и была очень довольна.

— Не знаю, что мнѣ съ этимъ дуракомъ дѣлать,—говорила царевна своимъ приближеннымъ боярамъ:—вѣдь втемяшилъ же себѣ въ голову этакую блажь! Жениться хочетъ на мнѣ! Что бы намъ съ нимъ сдѣлать?

— Казнить его! повѣсить! — кричали бояре.

Но царевна убивать его не захотѣла, а велѣла спустить его въ помойную яму.

Молодецъ нашъ едва-едва выбрался и такъ былъ золъ, что только и думалъ о томъ, какъ бы отомстить царевнѣ. Выбравшись изъ ямы, онъ ушелъ изъ города и

придя въ лѣсъ, увидалъ, что какіе-то три человека спорять, ссорятся и дерутся между собой.

— О чемъ это вы спорите? — спросилъ ихъ юноша.

— Да вотъ, добрый человекъ, разсуди насъ, — отвѣчали ему. — Нашли мы три находки: боченокъ такой, что стоитъ въ него постучать и тотчасъ же изъ него выйдетъ цѣлое войско; коверъ-самолетъ, на которомъ можно полетѣть куда хочешь, и кнутъ-самобой, только стегни имъ дѣвку и скажи: была дѣвицей, а будь кобылицей, — сейчасъ кобылицей и сдѣлается. Вотъ эти-то три вещи мы никакъ не можемъ между собою раздѣлить.

— Раздѣлить, конечно, не легко, — отвѣчаетъ имъ юноша, — но все же можно. Вотъ что я сдѣлаю. Я сейчасъ вырѣжу лукъ и стрѣлу и пущу стрѣлу вонъ въ ту сторону, то вы бѣгите что есть мочи; кто первый стрѣлу возьметъ, то ему пусть достанется боченокъ, кто добѣжитъ вторымъ, тотъ возьметъ коверъ-самолетъ, а третій получить кнутъ-самобой. Согласны?

— Ладно, согласны! пускай стрѣлу  
Пустилъ молодецъ стрѣлу далеко-далеко.  
Всѣ трое и пустились бѣжать безъ оглядки,

а молодець-то въ это время взялъ боченокъ да кнутъ-самобой, сѣлъ на коверъ, тряхнулъ за одинъ конецъ и поднялся такъ высоко, что изъ глазъ скрылся. Летѣлъ, летѣлъ и прилетѣлъ, куда захотѣлъ, къ самому царевненому саду и началъ поколачивать въ боченокъ. Войско вышло изъ боченка несмѣтное и съ пушками и со всякими снарядами. Какъ увидала царица, что войско объѣзжаетъ полководецъ, сидя на конѣ, и готовится напасть на городъ, такъ поскорѣе и выслала бояръ просить мира. Молодецъ велѣлъ схватить пословъ и больно-больно наказать ихъ.

— Скажите своей царицѣ, — крикнулъ онъ имъ, — чтобы она сама явилась сюда просить мира, а иначе я городъ возьму.

Ну, что же дѣлать! царица пріѣхала сама, вышла изъ кареты и подошла къ генералу и какъ взглянула на него, такъ и обомлѣла. Узнала она своего жениха.

А женихъ взялъ кнутъ-самобой, стегнулъ царицу по спинѣ и сказалъ:

— Была ты дѣвицей, а теперь будь кобылицей!

Превратилась царица въ кобылицу неописанной красоты. Взнуздаль и осѣдлаль ее нашъ молодець и поѣхаль на ней передъ

своимъ полкомъ и направился прямо въ царство своего брата. Ъхаль онъ со своей силой несмѣтной долго и наконецъ въѢхаль въ братнину столицу, но только въѢхаль ужь безъ войска, которое еще за городомъ собралъ все въ боченокъ. Какъ увидалъ царь изъ своихъ оконъ, что какой-то молодець ѣдетъ на такой кобылицѣ, то такъ и ахнулъ.

— Что за кобылица! Этакой лошади я никогда и не видываль!—закричалъ царь и послалъ узнать, не продасть ли ее пріѣзжій витязь.

— Вишь, какой царь-то у васъ завистливый!—говорить молодець въ отвѣтъ.—На чужое добро нечего зариться.

Подѣхаль молодець къ крыльцу и вошелъ во дворець.

— Ну, здравствуй, братецъ!—сказалъ онъ.

— Такъ это ты, братъ?—а вѣдь я тебя и не узналъ!—отвѣчалъ царь.

И стали братья обниматься, цѣловаться и радоваться.

— Что это у тебя за боченокъ, братецъ?—спросилъ царь.

— Какъ же въ дорогъ безъ боченка быть?—отвѣчаетъ младшій братъ.—Для питья надо.

— А коверъ этотъ зачѣмъ?

— А вотъ какъ сядешь на него, такъ и узнаешь.

Сѣли братья на коверъ, тряхнуль младшій за уголь и поднялись они выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Летѣли-летѣли и прилетѣли къ себѣ на родину.

Пошли они по городу и наняли квартиру въ домъ отца, не сказавшись родителямъ, кто они такіе. Поселившись въ домъ, вздумали они новоселье справлять и задали пиръ на весь крещеный міръ. Пировали на этомъ пиру три дня. Вотъ въ концѣ третьяго дня младшій братъ и говоритъ:

— Ну, рассказывайте, кто что умѣетъ? Рассказывайте какую-нибудь исторію.

— Никакой исторіи мы не знаемъ,—отвѣчаютъ гости.—А ты ужъ самъ расскажи что-нибудь.

— Ну, что же, я могу рассказать,—говоритъ меньшей братъ:—только чуръ меня не перебивать. Кто три раза меня перебьетъ, того безъ жалости казнить. Согласны?

Гости согласились, и началъ меньшей братъ рассказывать, какъ жилъ мужикъ съ бабой, какъ мужикъ принесъ курочку, какъ курочка несла самоцвѣтные камешки, какъ

разбогатѣль мужикъ и вышелъ въ купцы и какъ купчиха послушалась приказчика и согласилась курочку ему показать.

— Ну, что ты врешь!—крикнула старуха.

А сынъ продолжаетъ рассказывать, какъ приказчикъ захотѣль съѣсть курочку и она велѣла ее зарѣзать.

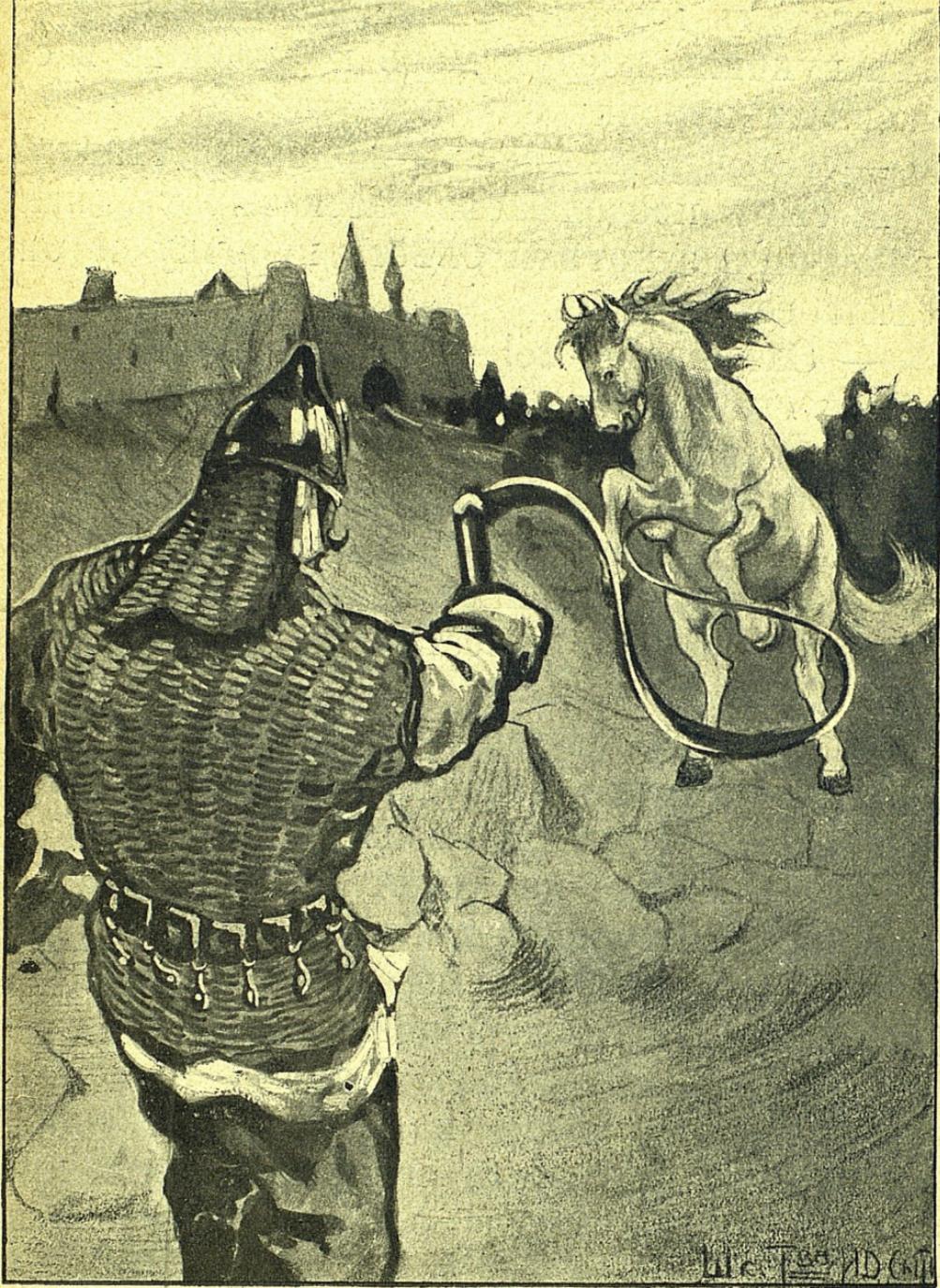
— Экъ вретъ -то! — во второй разъ перебила его старуха.

А сынъ продолжаетъ рассказывать, какъ приказчикъ разсердился, что ни головы ни потроховъ у курочки не оказалось и какъ онъ уговорилъ купчиху извести дѣтей и та приказала повару отвести ихъ въ лѣсъ и зарѣзать.

— Вотъ вретъ-то!—въ третій разъ перебила его старуха.—Ну, можетъ ли это быть, чтобы мать погубила своихъ дѣтей!

— Отчего же не можетъ быть?—сказали сыновья. — Ты посмотри-ка на насъ хорошенько, вотъ и увидишь, что мы твои дѣти, которыхъ ты велѣла зарѣзать.

Тутъ все открылось. Купецъ приказалъ изрѣзать свою жену на мелкіе кусочки, а приказчика приказалъ привязать къ хвостамъ лошадей, чтобы они разнесли его по полямъ.



W. C. T. 1890

Самъ же старикъ-купецъ раздалъ все свое имущество бѣднымъ и уѣхалъ жить къ своему старшему сыну, царю.

А младшій братъ ударилъ свою кобылицу кнутомъ-самобоемъ да и говорить:

— Была кобылицей, а теперь будь дѣвицей.

Кобылица превратилась въ прекрасную царевну. Тутъ они помирились, наказанная царевна исправилась. другу-недругу заказавъ хитрить и лукавить. Свадьба ихъ была веселая и парадная и всѣ мы на ней были, медъ, пиво пили, по усамъ нашимъ текло, да въ ротъ не попало.

